

Татьяна Гальман
Унесенная в дюны

Африканские дневники

Татьяна Гальман
Унесенная в дюны.
Африканские дневники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063579

ISBN 978-5-4474-0512-0

Аннотация

Яркие краски африканской природы, удивительные встречи, забавные случаи, полезные советы, душещипательные истории, таинственные обряды и ритуалы, вся правда о белых колонизаторах и гуманитарной помощи, полезные ссылки и восхитительные рецепты африканской кухни, – все это и много другое вы найдете на страницах африканских хроник.

Содержание

Глава 1. Мечты сбываются/ Яблоко от яблони.../ Попутчики/Специфика африканских авиалиний	5
Глава 2. Первые впечатления/Тропический дождь	14
Глава 3. Ниямей/ Плато/«Маленький» рынок	19
Глава 4. Особенности национальной риэлтерской службы/Мой адрес – не дом и не улица	28
Глава 5. Прелести колониальной жизни/Богатые тоже плачут	32
Глава 6. Такая несчастная, к счастью, жизнь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Унесенная в дюны

Африканские дневники

Татьяна Гальман

© Татьяна Гальман, 2015

© Татьяна Гальман, фотографии, 2015

Корректор Таисия Микати

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1. Мечты сбываются/ Яблоко от яблони.../ Попутчики/Специфика африканских авиалиний

«Чтоб тебя изнасиловали 20 черных!» – разразился бра-
нью светило московской пластической хирургии, а по сов-
местительству мой начальник и «жуткий французишка» Фи-
липп. Новость о моем скором отъезде в Нигер особой радо-
сти у него не вызывала. Страшно только представить, как
это отразится на сегодняшней операции на чьем-то носу
или, пардон, каком другом органе. Переводчика-подмасте-
рье найти-то нетрудно, «красна Рязань куличами, Москва –
толмачами», а вот добиться того, чтобы нежные барышни да
юноши с «иняза» ещё и в обморок не падали во время опе-
рации, это уж как повезет.

А я все-таки уезжаю: колю прививки, перечитываю спра-
вочники и путеводители, мечтаю... Ещё год назад у малень-
кой пиццерии в пригороде Бордо мы с увлечением обсуж-
дали, спорили, строили планы о том, как уедем «за триде-
вять земель»: в Индию или может на Мадагаскар, на Ко-
морские острова или в Азию. Именно тогда я и узнала, что
по всему миру открыто более 500 французских лицеев, кол-

леджей и школ, в которых учатся граждане Франции проживающие за границей или просто дети состоятельных родителей (ведь стоимость обучения в данных учебных заведениях весьма велика). Мой муж, а в то время жених, преподаватель по образованию, заполнил всевозможные анкеты и опросники необходимые для работы за пределами Франции, и через некоторое время благополучно о них забыл. Примерно через полгода мы получили приглашение в Нигер.

В мой семье предстоящий отъезд был воспринят как беспосадочный полет на Луну. Мама плакала, мысленно упрекая себя. Она, мечтательница, приобрела когда-то фотоальбом «Там за морем Африка», на котором мы с братом выросли, а также все эти годы выписывала научно-популярный журнал «Вокруг света» и смотрела с нами по воскресениям «Клуб кинопутешественников». Папа держался стоически, и лишь время от времени пускался в ностальгические рассказы, о «монгольских ветрах, вороне из Дрезден-парка и чайхане в Марах».

В аэропорту я старалась не плакать, хотя вот уже несколько ночей провела без сна, с ужасом представляя, что домой я вернусь, если повезет, только через год, что папа и мама наверняка состарятся, любимый Зарайск, утопающий по весне в розовом облаке садов, я увижу нескоро, да и вообще, кто будет поливать мои кактусы и обрезать по осени клубничные кустики в саду?... В горле застрял горячий комок, а родители, оставшиеся за таможенной стойкой, казались такими ма-

ленькими, жалкими и несчастными...

А вокруг уже бурлила совсем иная жизнь. Дабы сэкономить деньги, которых, как сказал классик, «и так нет», до Парижа я летела чартерным рейсом. Вокруг дефилировали дамы неопределённого возраста, но все, как на подбор, в белых узких брюках и сандалиях на головокружительных шпильках, носились дети, гремели мобильные телефоны, пахло дорогими духами и бутербродами с копченой колбасой. Царила праздничная суэта. Увидеть Париж и умереть...

Дабы отвлечься от грустных мыслей я уже в сотый раз перечитываю строчки справочника за 1969 год «Страны мира»:

Нигер – одна из самых жарких стран мира. Большую часть территории страны занимает пустыня и полупустыня. На юге государства климат тропический, но по мере продвижения к северу он становится все более засушливым. Нигерийская Сахара раскаляется до такой степени, что редкие дожди испаряются, не долетая до земли. Между пустыней и саванной на юге лежит зона Сахеля, где периодически случаются засухи.

Эта западноафриканская страна, входящая в число самых бедных государств мира, занимает первое место по количеству рождающихся детей. На каждую женщину в этой стране приходится в среднем 7,75 рождений.

Когда после долгих метаний по абсолютно бестолковому аэропорту Руасси Шарль-де-Голль мы, наконец, вырули

к нужному терминалу, его уже до отказа заполняла гудящая, оживлённая, как пчелиный улей, толпа. Солидные работники всевозможных африканских министерств и гуманитарных организаций в костюмах «с иголочки», с огромными сверкающими *неролексами* и шикарными некожаными портфелями, потными подмышками и лбами, необъятные негритянки «при параде»: «выходные» одежды из накрахмаленной до звона бумазеи сверкают в свете неонов, что боевые доспехи, лоснятся напомаженные растительным маслом, сложные, многоярусные прически, гремят по кафелю столь неуместные пластмассовые шпильки, жмутся к родителям очаровательные детишки: белозубые мальчишки и смешливые малышки с забавными косичками-антенками. Притулился у свободной стойки гордый сын пустыни – туарег. Тонкое, гордое лицо, тюрбан из легкой ткани цвета индиго, длинная рубаха до колен, свободные расшитые на щиколотках шаровары. На шее – неизменный атрибут рыцаря пустынь – яркий и солидного размера кошель из кожи. И будь-то в сопровождении жены-африканки или подружки-француженки, он своей традиционной одежде остается верен. Кружит над баулами из яркой клетчатой ткани торговец-хауса. Длинное платье-балахон из однотонной бумазеи (до 100 евро за метр!!!), красные с замысловатым рисунком сандалии из кожи, неизменная высокая шапочка-тюбетейка на бритом затылке, все тот же Ролекс, но уже настоящий. Отдельно вышагивают грациозные, с немислимыми по кра-

соте фигурами, темнокожие девушки-жирафы: мне на них до конца полюбоваться так и не удастся (головы у них те-ряются среди светильников на потолке). Порой рядом мель-тешит муж-французик, и тогда жирафа гордо звенит золо-тыми цепями и браслетами, встряхивает идеально уложен-ными волосами и окидывает присутствующих невидящим, но все же чуть-чуть презрительным взглядом.

Отдельно расположилась группа туристов: тяжелые бо-тинки для пеших прогулок, специальные брючки из «Декат-лона» с тысячей застежек, кармашков, сеточек, трикотажные футболки с дикими рисунками и неизменный набитый до-верху (спасибо, вам, сотрудники специальных магазинов, ту-ристических фирм, доктора) рюкзак. На лицах застыло вы-ражение сосредоточенности, собранности и некоторого бес-покойства. Кажется, что все мы летим в Нигер, а они, бед-ные, действительно на Луну: и нет там ни цивилизации, ни системы здравоохранения ни даже элементарных магазинов. Иначе зачем им все эти 20 шариковых ручек, 10 упаковок ас-пирина, бесчисленные пачки печений, бутылки с минераль-ной водой и даже резиновые сапоги? Да, да, одной нашей знакомой, отправляющейся на 3 месяца по работе в Саха-ру, врач посоветовал захватить с собой резиновые сапоги... от змей и скорпионов. Как ходить в этой «защитной обув-ке» по пустыне, где днем даже зимой температура держит-ся на отметке 40 градусов лекарь-членовредитель, правда, не уточнил.

Последними на посадку проходят немногочисленные «белые» африканцы: сотрудники всевозможных миссий, комиссий и комитетов и посольств. Льняные брючки от Роберто Кавалли, невесомые рубашечки, замшевые шлепки. Их уставшие от африканских «лишений» жены сверкают застёжками последней модели Гермес, поправляют золотые слитки в ушах. Вяло обсуждается насущное: «Повара, как вернусь – выставлю за дверь: он вечно карри пересаливает. Да и няньку-бонну пора приструнить: в детской – вечный беспорядок... В наше время порядочных слуг так сложно отыскать...». Жертвы тектоника, золотые мальчики и девочки из семей кооперантов стучат по сверкающим клавиатурам гаджетов с яблочком строчки прощальных СМС. По всему видно: служение бедным и борьба с голодом – занятие почётное, и, что самое главное, весьма выгодное.

Моим соседом по правую руку (слева сидел Грег) оказался томный, одетый в жаркое бубу из хрустящей бумазеи полный дядька. За 6 часов полета его тело растеклось по сидению и местами перелилось через край. Меня придавило массой и запахом уставшего от перелета тела так, что ни есть, ни пить, ни ходить в туалет, а также читать, писать, и чем там ещё принято заниматься во время воздушного путешествия, я не смогла. Я выживала, сообразив, что если я совершу ещё какое-то неловкое телодвижение, мне не поздоровится. Более того, время от времени соседнее тело сладко всхрапывало и мирно причмокивало во сне. Ну, пусть хоть кому-то бу-

дет хорошо.

Самолет лег на крыло, и, совершив прощальный вираж, начал снижаться. Стараясь не задеть соседа, поворачиваюсь к иллюминатору. А земля такая красная!

Это мой первый визит в Африку, если не считать туристической поездки в Тунис. Но Магриб – не в счет. Даже сами французы утверждают, например, что: «Марокко – такая же Франция, только дешевле». А здесь под крылом самолёта простирается моя столь возжеленная бессонными ночами *terra incognita*. Мелькают редкие деревья, сверкают воды Нигера.

Нигер (*Niger*, от берберского н'егирен – река), река в Западной Африке (на территории государств Мали, Нигер, Нигерия), третья по длине и площади бассейна в Африке после Нила и Конго. Длина 4160 км, площадь бассейна 2092 тыс. км². Берёт начало под названием Джолиба на склонах Леоно-Либерийской возвышенности, впадает в Гвинейский залив Атлантического океана. Источник: Большая советская энциклопедия.

Внизу мелькают одноэтажные глинобитные строения, голубеют бассейны колониальных вилл, зеленеют садовые лоскуты, черной змейкой вьется единственный «гудрон»: асфальтированная дорога «Аэропорт – Дворец президента». Наверное, это – пригород... Никак нет, моя дорогая, это – столица Нигера – город Ниямей.

«Дамы и Господа, через несколько минут наш самолет со-

вершит посадку в столице Нигера, Ниямей. Местное время 10 часов. По прогнозам метеослужбы аэропорта сегодня сохранится солнечная погода. Температура воздуха за бортом – 35 градусов по Цельсию. Командир корабля и экипаж желает вам приятного пребывания в Нигере. Надеемся вновь встретить вас на борту самолёта компании „Пуен Нижер“». Это уж без сомнения!!! 4 часа задержки в аэропорту. Маленькие, неприспособленные к 6-часовому перелету сидения... До новых встреч, «Пуен Нижер».

Здание аэропорта имени африканского педагога, политика и первого президента независимой республики Нигер *Диори Хамани* издалека кажется глинобитным, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что одноэтажное здание, построенное в первые годы после освобождения страны от колониального управления, выполнено из бетонных блоков и сохранило следы белой и зеленой краски, но бесчисленные песчаные бури окрасили аэровокзал в терракотовые оттенки. Помещение приятно удивило: здесь было пыльно, но не грязно. Помимо таможенного, нам пришлось пройти и санитарный контроль, суть которого заключается в проверке «Международного паспорта вакцинаций».

Обязательным условием въезда в страну является наличие медицинского сертификата международного образца о наличии прививки от желтой лихорадки. Остальные прививки не являются обязательными, однако желательны в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обста-

новки в стране (брюшной тиф, гепатиты, менингит и т. д.).
Источник: *Консульский информационный портал.*

Зал ожидания заполнен до отказа: прибытие самолета – событие. К слову сказать, пропускная способность аэропорта Хамани – один самолет в день. А ведь все надо успеть: первым встретить возвращающегося с чужбины родственника и занять у него, желательно навсегда, денег, пока он, размякший от пребывания на «севере», не вспомнил заветные слова «Сихан кури!» то есть «Бог подаст!», найти клиента-мечту впервые попавшего в Африку и способного заплатить за такси по парижскому тарифу, подвернуться под руку уставшему с дороги иностранцу и радостно откатить его вещи на стоянку по двойному тарифу, договориться об экскурсионной поездке по городу на верблюде и тем самым заработать на безбедное проживание для верблюда, себя и свой семьи на ближайшую пару месяцев, а ещё подружиться, обменять что-то ненужное на весьма значительный подарок или его денежный эквивалент, выпросить телефончик, адресок, потрогать, понюхать, прикоснуться... Ведь вот едут, идут они: хозяева, патроны, везунчики, богатейчики, счастливые обладатели паспортов, виз, портмоне и чемоданов....

Нас, к счастью, встречали. В толпе застенчиво улыбался молодой африканец: с надеждой вглядываясь в толпу, он держал в руках картонку с нашими именами. Уф, прорвались!!!

Глава 2. Первые впечатления/ Тропический дождь

«У нас вчера был дождь!» – радостно сообщил Али после обмена приветствиями. Позже, прожив в душном кошмаре жаркие 3 месяца, мы поняли, что дождь – это событие, а в тот момент лишь вежливо улыбнулись, и, устало вздохнув, начали пробираться через толпу.

Нигер – одна из самых жарких и засушливых стран мира. В течение всего года средняя температура воздуха $+30^{\circ}\text{C}$, а в конце весны-начале лета дневная температура почти ежедневно превышает $+40^{\circ}\text{C}$. Годовая испаряемость повсеместно больше 2000 мм, в то время как количество осадков нигде не достигает и 600 мм. Около 4/5 территории Нигера занимает область тропических пустынь, 1/5 – область сухих саванн с переменнно-влажным климатом. Лишь на крайнем юго-западе страны количество осадков несколько увеличивается, и в июле-августе здесь наблюдается относительно влажный сезон. Дожди бывают преимущественно летом; в зимний сезон господствуют северо-восточные ветры, приносящие со стороны Сахары горячие и сухие воздушные массы. Река Нигер, протекающая по территории страны всего 550 км, мелководна, и поэтому подземные воды во многих районах являются единственным источником во-

доснабжения. Источник: [http](http://) ¹

Выехав за территорию аэропорта, мы окунулись в... Средневековье. За окном автомобиля мелькали редкие кустарники, зеленели тут и там обрывки трав, жались к дороге глинобитные хижины под соломенной крышей. Через несколько метров мы обогнали бегущего по обочине вслед за ржавым обручем мальчишку лет семи-восьми в длинной грязной рубаше. Горячий влажный воздух был наполнен запахом чужой, незнакомой земли.

На пороге виллы нас уже встречал Усман – повар коллеги, которая согласилась приютить нас на несколько дней. Сад, полыхающий соцветиями бугенвиллей, прохладная голубизна бассейна, терраса, увитая жасмином, сочная зеленая лужайка, высокий каменный забор с осколками битого стекла. Вот он – белый мирок черной Африки.

Через несколько часов за окном раздался душераздирающей вопль. То пел павлин. Такая дивная птица и такой жуткий, холодящий кровь голосок... Где-то заунывно запричитал мулла. Совсем рядом располагалась мечеть, и уже через несколько дней мы настолько привыкли к «позывным», что даже стали находить в них некоторую прелесть: часы можно сверить, например, или опять же экзотика. А по утрам мы просыпались под звуки военных французских маршей: рядом располагалась казарма президентской охраны.

К вечеру первого дня колониальная жизнь мне надоела:

¹ <http://whitettravelcafe.com/ru/countries/niger/>

завтрак, обед и другие трапезы по желанию, готовы, одежда – поглажена, дом – прибран, посуда, обувь, машина и даже «видавшие виды» дорожные чемоданы сверкают как новые, постель – заправлена, вещи – разложены в шкафу... А мне чем заняться?

Наличие слуг в «белых» домах первое время меня весьма раздражало: а самим что делать? Но вскоре я поняла, что речь идет скорее о традиции «белый, делись!», чем о прихоти владельцев. Дело в том, что «черной» (простите за каламбур) работы в Нигере мало, а желающих получить место повара, слуги, сторожа или чистильщика бассейна очень много. Практически все население страны живет за жирной чертой бедности.

Жилища, увиденные мной в первые дни пребывания в стране скорее похожи на хижины дяди Тома. Стены и крыши сложены из травяных циновок, а размером теремок – с нужник на российской даче. При чем, собирается такой дом за считанные минуты, чем объясняется необычайная мобильность поселений. Сегодня они – за лицеем, а завтра – их и след уже простыл. Правительственные чиновники с Плато таким соседством чураются. Простые жилищные товарищества портят внешний вид престижного квартала и уж больно дымят во время пожаров.

Пожары случаются часто, ведь готовят пищу местные жители преимущественно на костре. Достаточно одного порыва ветра и пламя перекинется на соседний дом, и вот уже заня-

лась, полыхает деревня. Мечутся женщины с ребятишками, пытаюсь спасти незамысловатый скарб. У Усмана в пожаре погибла дочь: пыталась спасти от огня три отреза на платье – все свое приданое.

Государственные службы чужды людскому горю, а народу надо помогать... Вот и нанимают сердобольные иностранцы сиделок и нянек, сторожей ночных и дневных, официантов и поваров, гладильщиков и чистильщиков бассейнов, уборщиков, подметальщиков, садовников и портных. У одной моей знакомой в штате состояло 12 человек. Жила она одна, все свое время проводила на работе: нужно же как-то содержать персонал. Но она упрямо твердила на все усмешки и попреки: «Это лучше, чем раздавать милостыню или гуманитарную помощь: подаяния расхолаживают, порождают паразитов».

Грегори уже на следующий день оправился на работу и там же и пропал. Потянулись скучные будни: завтрак-бассейн-чтение-обед-сиеста-бассейн-полдник-бассейн-чтение-ужин-чтение-бассейн. Тропические ливни периодически прерывали мое летаргическое существование.

С утра парило, к обеду налетал горячий рыжий ветер. Он засыпал песком зеркальную гладь воды, рвался в дом, швыряя в лицо горсти пустынной пыли, путался в подолах зазевавшихся прохожих. Взмывали к небу обрывки газет, черные целлофановые пакеты. Небо вдруг темнело, краснело, на-

ливалось свинцом, полыхало всеми оттенками оранжевого. Бешено неслись курчавые тучи, сверкала молния и бабахал где-то совсем рядом гром. Крупные, тяжелые и ещё редкие капли звонко ударялись о железный скат крыши. И вот уже льет вовсю теплый, щедрый дождь. Ливневые воды несутся по улице, смывая усталость и напряжение, радостно мчится вслед босоногая детвора в ярких лохмотьях. И в эти редкие моменты все равны на измученной жарой, засухой и голодом земле: все радуются Дождю. А он все льет.

Глава 3. Ниямей/ Плато/«Маленький» рынок

Ниаméй (фр. Niamey) – столица Нигера, пристань на левом берегу реки Нигер. Население – 675 тысяч жителей (по данным переписи 2002 года) с пригородами. Транспортный узел и международный аэропорт. Текстильная фабрика; пищевая промышленность (скотобойня, мукомольный завод). Легкая промышленность. Торговый центр сельскохозяйственного района. Ремёсла (выделка кож, изготовление изделий из серебра, золота). Вблизи Ниамея – ТЭС. Университет. Национальный музей. В 1926 —1960 годах административный центр французского владения Нигер, с 1960 года – столица Нигера. Источник: www.ru.wikipedia.org²

Город разделён на несколько кварталов. Практически все белое население, а также «кто побогаче» проживает в квартале Плато. Это – центральная часть города. Здесь расположены также здания министерств, ведомств, крупных гуманитарных миссий, посольств, Национальный музей, Центральный госпиталь, крупные банки, рестораны, Гранд Отель, два супермаркета и магазин с загадочным названием «Все для...».

Через пару дней жизни в райских колониальных кущах я

² <http://www.ru.wikipedia.org/>.

вырвалась наконец-то «на волю». Повар и сторож Елизабет, так звали коллегу моего мужа, выпускать меня не решались, опасаясь не столько за мою безопасность, сколько за то, что я потеряюсь, а им «потом отвечать».

Увиденное за стеной меня весьма обескуражило: за забором виллы тянулись бесконечные ряды таких же заборов, с кованными, глухими, железными воротами, с небрежно развалившимися у стен в плетеных креслах сторожами, редкими деревьями и бесцельно бредущими куда-то козами, верблюдами и иногда коровами. Широкие улицы, бесконечные песчаные ухабистые дороги, в тени деревьев – многочисленные торговцы телефонными карточками, открытками и безделушками-сувенирами. Стайки нищих побирушек в пестрых лохмотьях.

Мой любимый нищий выгуливает с 8 утра до 12 дня слепого «дедушку». На мальчишке всегда чистые футболки, а из наушников журчит приятная музыка. В самую жару он заботливо усаживает кормильца под дерево и сладко дремлет до наступления прохлады.

А вот катится на трёхколёсном велосипеде Ама – продавец незамысловатых творений из проволоки и консервных банок. Велосипед у него необычный: педали он крутит руками, ведь ноги у здорового с вида богатыря совсем крохотные, скрученные полиомиелитом.

В первый день я прогулялась вдоль высокой, невзрачной, рыжей от песка стены и, совершив «круг почета» длинной

километров в 5—6, обнаружила, что вновь стою перед радостно улыбающимся Сулейманом. Сторож прочел мне назидательную лекцию, весь смысл которой сводился к тому, что негоже Мадам гулять по городу одной, да еще и пешком. Вернется Патрон (то есть Грег), и «поезжайте на машине в Гранд Отель, музей, магазин, ресторан или еще куда там обычно отправляются», (задраив предварительно окна машин, и врубив на полную мощность кондиционеры), патроны и их *мадамы*. А по улице ходят пешком только бедные, да современные марко поло.

В Нигере есть своя табеля о рангах, и объяснять Сулейману что-то о здоровом образе жизни, экологических проблемах и другой «белой блажи» – бесполезно. Встречают в Нигере «по машине»: на красивых, новых сияющих внедорожниках трясутся сотрудники различных посольств, гуманитарных организаций, а также богатые местные торговцы и министры, едет на подержанном джипе на работу учитель-француз, гордо восседают в стареньких, но начищенных старательным «боем» до блеска легковушках состоятельные середнячки, подпрыгивают на ухабах многодетные семьи, облепившие мотоцикл или мощный мопед, рассекают на скутерах песчаные просторы улиц богатого квартала повара, рассыльные и другие удачливые бедняки, устало крутят педали ржавых велосипедов сторожа, садовники. Снуют по городу весь день старые «Пежо»-504. Проезд на таком такси стоит 200 франков КФА (15 рублей по курсу

на 2007 год). Катайся – не хочу! Пешком по Ниямею ходят только верблюды, их погонщики и чудаки-туристы.

Франк КФА ВСЕАО, *франк Африканского финансово-го сообщества (Franc CFA BCEAO, Franc de la Communauté financière africaine (фр.))* – денежная единица восьми африканских государств, входящих в валютную зону франка. Источник: *Википедия*.

На следующий день я увязалась за Усманом на рынок, за овощами. Пройдя с пол-километра вдоль все тех же заборов, мы вышли сначала к перекрестку, на котором находилось здание почтамта. Здесь царил импозантный полицейский в темно-синих берете и галифе и голубой рубашке. Он вольготно расположился в тени могучей маргозы и ревностно наблюдал за работой коллеги-регулирующей. Та энергично взмахивала жезлом, свистела что есть мочи и, подбоченясь, беседовала с шоферами.

Анекдот в тему

Один мой знакомый по привычке нарушил правила дорожного движения. Живет он в Африке давно и как правильно водить – напрочь забыл. Свисток. Приходится останавливаться. А в машину заглядывает молодой полицейский. Ален, делать нечего, извиняется и пытается заговорить слуге порядка зубы. Так и так, я – из посольства. Не помогает. Тогда, взглянув на коллегу полицейского, он начинает петь ей дифирамбы. Неожиданно грозный гаишник краснеет, если так можно сказать, и шёпотом сообщает Алену, что он уже

давно тайно влюблён в свою напарницу и вот все не решается открыться... «Удачи, мой юный друг!» – также шёпотом желает ему водитель. Ещё раз мечтательно взглянув на гордо восседающую на мотоцикле нимфу, полицейский вдруг улыбнулся и отпустил нарушителя на все четыре стороны...

***Ним**, также ним или Азадирахта индийская (лат. *Azadirachta indica*) или маргоза – вечнозелёное дерево семейства мелиевые, происходящее из тропических и субтропических районов Пакистана³ Бангладеш⁴ и Мьянмы⁵ Источник: Википедия.*

Рынок шумел в двух шагах от перекрестка. Бедные торговцы и крестьяне разложили свой нехитрый товар прямо на земле, а те кто побогаче – на деревянных кособоких прилавках. Продуктовый рынок называют в столице Маленьким.

Огромные корзины заполнены манго, папайей, бананами. На плетеных подносах нехитрая приправа: острый сухой перец, сушеная саранча, бамия, кубики Магги (ты всегда со мной, даже в Африке!), вязаночки стручковой фасоли, кучки помидоров, перезрелые огурцы, дыни... В глубине базара гомонят торговки рыбой: заманивают клиентов, торгуются, ссорятся, мирятся, сплетничают, бранят детей и мужей. На спине у каждой – посасывает грязный пальчик угольный ангелок.

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пакистан>,

⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бангладеш>, Индии

⁵ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мьянма>.

На плетеной подстилке устроилась женщина из племени пель: сложная прическа из традиционных косичек, бесчисленные браслеты из яркого дешёвого бисера, черное, с белой вышивкой по вороту платье, замысловатые татуировки на лице, нежно-кофейный неафриканский цвет лица. Заостренные черты и блестящие глаза: чем не сорока-воровка? У нее можно полакомиться сушеным, похожим на пластинку, сыром «чуку» или купить свежего, парного молока. Конечно, чуку сыром можно назвать с большой натяжкой: по консистенции он скорее похож на пересохшую конфету ирис «Кис-Кис», а по вкусу на сухую детскую молочную смесь.

Неподалёку на земле разложил товар сухонький старичок. Выцветшая рубаха из бумазеи, залатанные шаровары, высокая тюбетейка на седеющей голове. Скрюченными пальцами он ловко плетет крышки для блюд из калебаса, которые можно тут же и приобрести. В день выходит у него 1—2 крышки по 15 рублей за каждую. Также у него вы найдете самые нарядные на рынке блюда из горькой дыни-калебаса: зеленые или ярко-бордовые, они испещрены замысловатыми, безусловно сакральными узорами.

***Калебас** (Бутылочная тыква) – одно из старейших культурных растений известных человечеству. Она не слишком ценится как пищевой продукт, скорее ее можно назвать «посудной» культурой. Родиной тыквы предположительно считают Африку. В Перу археологами при раскопках были*

найденны сосуды, сделанные из этой тыквы более 12000 лет назад. Зрелые плоды тыквы используют для изготовления сосудов. Источник: [http](http://respublikatykva.blogspot.com/) ⁶

Повсюду в Западной Африке выдолбленные из половинки тыквы блюда служат для хранения сыра и молока, а также для приготовления каши из сорго. Плоды тыквы также служат для создания незамысловатых музыкальных инструментов кочевников и транспортных водоплавающих средств. Как удобно: поел, помыл тарелку, на ней же поиграл и отправился все на том же сосуде восвояси!

Огромные плетеные корзины заполнены сушеными бордовыми цветами, Это так ставший популярным в России в последние годы каркадэ, а на местном наречии – *биссан*. В Нигере я поняла, что заваривать этот экзотический цветок тоже уметь надо. Очень вкусно, если умеючи...

Тонизирующий, жаждоутоляющий и очень полезный напиток

(особенно для мужчин, хитро улыбаясь, добавляет Сулейман) из каркадэ

*1 литр воды,
пригоршня цветов каркадэ,
6 столовых ложек сахара,
веточка мяты,
пакетик ванилина (лучше, конечно, добавить мякоть из стручка натуральной ванили),*

⁶ <http://respublikatykva.blogspot.com/>

½ чайной ложки толчёного имбиря.

Отварить каракадэ в кипящей воде 15—20 мин. Откинуть цветы на дуршлаг, а в полученный отвар добавить сахар, мяту, ваниль и имбирь. Довести напиток до кипения, охладить и поставить в холодильник на 12 часов. Пить также лучше охлаждённым.

Постепенно на город опускается влажная духота. После ночного дождя на рынке слякотно, пахнет подозрительно, а за одежду постоянно цепляются сползшиеся «на новенького» паралитики-нищие. Горланят беспризорные детишки. Деловито снует от прилавка к прилавку Усман – торгуется, выбирает, нюхает, мнет, подозрительно перебирает на прилавках помидорки и задумчиво разглядывает переростки-огурцы. В сезон дождей ливневые потоки вымывают растения на корню и поэтому найти хорошие овощи сложно. Чавкает грязь под ногами, становится душно, и вот уже мне кажется, что коровья голова с мясного прилавка подмигивает мне заплывшим глазом.

Очнулась я в соседнем супермаркете, куда меня заботливо проводил Усман. Стоящий рядом мужчина арабской наружности приветливо подмигивает. Вы ведь новенькая? Я вас ещё не разу не видел. Это Сами – управляющий одного из самых крупных продуктовых магазинов Ниямея. Здесь прохладно, светло, полки ломятся от знакомых французских товаров. Даже не верится, что мы в двух шагах от смрада, грязи и суеты Маленького рынка. Чинные белые дамы с акку-

ратными причёсками придирчиво разглядывают прилавки, а нарядные бои и бонны гордо катят за ними продуктовые тележки. Важно дефилируют огромные африканские матроны в ярких одеяниях с корзинами доверху забитыми французскими кремами, сырами, творожками и беконами. Пищевая промышленность в стране практически отсутствует, и поэтому все завозится из-за границы. Во главе пищевого трафика стоит ливанская диаспора. Тут вам и камамбер из Франции, и креветки из Бенина, и виски из Англии... Любой каприз за ваши, скажем честно, немалые деньги.

Рядом с французским лицом притулился ещё один такой ливанский магазинчик. Сюда стоит заглянуть прежде всего ради хозяев. За прилавком «Азар маркета» колоритная парочка: жгучая брюнетка с аппетитными формами переливается в лучах неонов сотней золотых колечек-браслетов-кулонов-цепочек, а за кассой царит вполне симпатичный дядька с грозными бицепсами. Из под майки у ливанского качка выглядывает кобра-татуировка, длинные волосы собраны в густой конский хвост на затылке. Совсем завянувшие без мужского внимания в тропиках белые жены толпятся вокруг миляги-Кобры под испепеляющими взглядами мадам. Особенно «достаётся» от владелицы магазина немецким и американским туристкам в шортах «здравствуй, детство голоштанное». Однажды, недовольная патрона элегантно смахнула под ноги вызывающе одетой туристке десяток яиц. Бизнес-бизнесом, а мужья – врозь.

Глава 4. Особенности национальной риэлтерской службы/Мой адрес – не дом и не улица

На семейном совете было решено наконец-то заняться поиском жилья. Через несколько дней мы уже сидели за столиком местного кафе с замечательного вида типом.

Гонит горячий воздух усталый вентилятор, вальяжная официантка смачно шаркает босоножками по кафельному полу. Яркий платок на голове, небрежно закрученное на талии парео, выцветшая футболка с эмблемой знаменитого французского футбольного клуба, ядовито-розовый, местами потрескавшийся, лак на ногтях. Расставив на липком столике напитки, она заботливо накрывает стаканы... подстаканниками (от мух) и гордо удаляется, неспешно виляя пышным задом. У африканских женщин, с детства привыкших переносить все (от кошелька до чемодана) на голове, особая, величавая поступь и от того, они кажутся высокомерными и напыщенными. Попробуй, попроси у такой «английской леди» ещё тарелочку с жареным арахисом: кто знает? может она обидится? Это лишь видимость, но первое время мне всегда казалось, что до моих просьб и заказов гордые

дочери Сахеля «снисходят». А может причиной тому врождённая медлительность и лень?

Предчувствуя скорую наживу, наш собеседник не жалеет красок. Шикарные виллы, ухоженные сады, бесконечные гостевые спальни и ванные комнаты, бассейны, патио, террасы, кондиционеры, вентиляторы, полностью укомплектованные кухни, домики для прислуги, беседки, близость к центру, больницам, культурному французскому центру... Патрон работает в школе? Прекрасно, специально для нас у него как раз есть парочка чудесных вариантов.

Жан Раста нежно разглаживает цветную шапочку, покусывает кончики дредов и пускается в очередную атаку. Конечно, нужно зарезервировать на этой неделе, безусловно сразу нужно посмотреть с десятков адресов, несомненно он нам поможет, а потом и мы ему поможем, ведь правда? У него больная мама и большая семья, многочисленный гарем и множество хороших, но бедных друзей, а еще большие запросы и мизерные доходы.

Многочисленные дворцы оказались испанскими замками: шикарные вилы – огромными гулкими домами, в которых гуляло эхо и витали запахи затхлости и влаги. Бесконечные анфилады грустных коридоров, рыжие подтеки на потолках, ржавые панно москитных сеток, изъеденные термитами антресоли... В ухоженных садах чахли жалкие кактусы, гнулись к земле стойкие «тещины языки», жухлый ковер из цветов бугенвиллей чавкал под ногами. Глинобитные патио в се-

зон дождей превратились во внутренние бассейны для разведения комаров, ванные комнаты с рыжими кранами поражали мрачными расцветками кафеля, в домах для прислуги уже проживали многодетные семейства с голосистыми младенцами и горластыми мамочками в шею гнавшими до самого порога нашего незадачливого риэлтора. Стоит ли добавлять, что за соседними стенами оказывался то психиатрический диспансер, с его весьма шумными и непредсказуемыми обитателями, то китайский ресторан «Золотой дракон» с соответствующими запахами и звоном посуды до поздней, я полагаю, ночи, или просто стоянка кочевых туарегов, которые разбоем промышляют издревле и преступлением его не считают, ну если только мелким традиционным баловством.

Гнали Жана и нас вместе с ним не только местные. Раздосадованная по всему видно частыми визитами непрошенных гостей, сотрудница посольства Германии спустила на нас овчарок-соотечественниц и долго изрыгала вдогонку ядреные немецкие ругательства.

Жана хотелось убить, но жалостливый Грег все же заплатил Расте «за услуги» и отпустил с миром. «Человек старался», – назидательно заявил мой муж.

Дом мы все же нашли: терракотовые стены, выложенный голубой мелкой плиткой бассейн, тенистый сад, аромат цветущего жасмина, манговые деревья, три комнаты, зал и кухня. Небольшой гараж, домик для прислуги, крытая терраса.

Мечта поэта. В родной Москве за те же деньги можно снять комнату в коммуналке, да и то далеко от центра. К дому, правда, прилагался оставшийся от прежних хозяев сторож. Грузный старик в линялой длинной рубаше и геометрическими рубцами на лице. Уже не чаявшие поселиться однажды «хотя бы гденибудь», мы согласились и на сторожа.

Льет за окном очередной тропический ливень, гремят по железной крыше горячие капли, кланяются ветру покорные деревья в саду. Скачет неверное пламя свечи. Электричество и воду нам подключат только завтра, из мебели во всем доме, как у персонажей Ильфа и Петрова, царит огромный, полосатый матрас. Сиротливо жмутся друг к другу 2 небольших чемодана. В этих 20 килограммах вся наша прошлая жизнь: фото родных, любимый Гоголь и Бодлер, гомотопические средства «от всего», диски с фильмами, столовые приборы на две персоны (вдруг их там не купишь), 2 пластиковые чашки компании Пун Нижер, которые я «позаимствовала», предвкушая встречу с африканской реальностью. Мы дома! Мы у *себя* дома! Это наш первый общий дом. И сколько их еще будет в нашей беспокойной кочевой жизни...

Глава 5. Прелести колониальной жизни/Богатые тоже плачут

С утра нас разбудил странный шум: наш новоиспечённый ночной сторож яростно метет террасу, с любопытством поглядывая в открытое окно нашей спальни. На походном будильнике 5 часов утра! Добро пожаловать в большую деревню! Простой житель нигерской столицы ложится с солнцем с ним же и встает: закаты здесь ранние, часов в 6—7, а в 5 часов песчаные улицы уже залиты солнечным потоком. Самое время приняться за уборку.

Позевывая и перебирая неловкими спросонья ногами, я бреду на кухню, выпить спасительную чашку крепкого чая. Толкаю тяжелые железные ставни: свежесть раннего утра наполняет пение птиц... а во дворе важно вздёгнув пудовые груди, развешивает *свое* цветное белье на *моих* бельевых верёвках огромная африканка. Застеснявшись чужой еле прикрытой наготы, выбегаю из кухни. Сообразив, что у меня теперь есть сторож, я робко прошу его разобраться. Нахально улыбаясь, старикан заявляет, что он и вся его семья из двух жен и восьми детей ходит мыться в сторожку и там же стирает белье. Мадам же, может просто не открывать ставни. У каждого свой скелет в шкафу... А у нас в шкафу оказался целый гарем!

Достался он нам в наследство вместе с домом. Жуткий старикан Мамаду. «Старый Мамаду, злобный Мададу, у него корова Му». Коровы у него, по счастью, не оказалось, а то она, точно бы, паслась у нас в цветнике. Но и без коровы Мамаду в доме было слишком много: по ночам любопытный старик часто заглядывал в зал и на кухню, нежился под кондиционированными потоками воздуха, попивал напитки из холодильника, заглядывал в окна, лазил по вещам. Двор если и подметал, то исключительно в те моменты, когда мы ложились отдыхать. Огромные стеклянные окна-двери нашей спальни выходили на террасу. Яростному подметальщику открывался живописный вид на нашу кровать и не совсем прикрытые из-за зноя тела. Одним словом – сериал. Смотри – не хочу.

Грегори благополучно отчаливает на работу в 8 утра, а к полудню выясняется, что злобный старикашка со мной общаться не собирается, работать и не думает, а на все мои реплики у него готов один и тот же веский ответ: «Патрон мне не сказал, делать не буду». Мириться с таким положением вещей я не стала и уже через несколько дней сторож-сексист отправился за ворота, при этом прихватив на «память» весь садовый и дворницкий инвентарь. Даже бочку для мусора куда-то уволок.

Еще несколько дней подряд я упорно посещала Комиссию по трудоустройству, на которую меня любезно вызвал наш несостоявшийся страж. Прения велись исключитель-

но на местном языке хауса, который я за две проведённые в стране недели освоила еще нетвёрдо, и если бы не помощь расторопной секретарши самого владельца дома госпожи Ауа, платить бы мне штрафы и отступные еще долго пришлось! В результате я отделалась легким разочарованием, и зарубила на носу первый урок: с нигерским законом не шутят, а с персоналом – не дружат.

Анекдот в тему

Некая европейская семья покидает Нигер. Мебель продана, многочисленные баулы отосланы на родину, зарплата и отступные персоналу оплачены. Сами они: муж – сотрудник миссий-комиссий, жена – медсестра-волонтер, 10 лет отработавшая в Ордене Милосердия Матери Терезы с больными СПИДом и другими смертельными заболеваниями, люди вполне достойные и весьма в стране уважаемые, так что не доверять их слову у меня особых оснований нет. Кстати о слове... Традиционно, в стране, где 2 из основных языков, а именно джерма и хауса получили письменную форму только во времена колонизации, все решается устно. Договорились, ударили по рукам и готово! Вот и они по рукам ударили, зарплаты выплатили и на самолёт. Но на борт им в тот вечер так и не позволили подняться. Въедливый повар посчитал, что белые хозяева должны ему не 200, а 220 долларов, пожаловался он в Комиссию по трудоустройству, а та отправила бумагу в полицию. И все, не сели наши злые неплательщики на самолёт. Знали они заранее о проре-

хе в расчётах или нет, но из-за 20 недоплаченных американских рублей они так и остались на земле.

К вечеру, утомлённые перипетиями первого судебного заседания в нашей жизни, мы откликнулись на приглашение и отправились играть в таро. Многоликое семейство белых «засланцев» в Нигере развлекается, как может: танцевальные вечера при посольстве где лакеи в белых, но дырявых перчатках, званые ужины на сотни персон под звуки фольклорных ансамблей, клубы по интересам: гольф (вы хотя бы представляете, чего стоит содержание зеленой лужайки в вечно засыхающем Сахеле?), верховая езда (это когда белые детки, дядьки и тетки на конях, а черные бои с метлой и щеткой, лошадям – овес, а за забором в соседней деревне люди от голода мрут семьями), бальные танцы (и я там была, танцевала танго до упаду и вкушала шампанское, дабы охладить знойную африканскую ночь, знаменитое игристое подавали, правда, только по четвергам, когда с нами изгибались в томной севильяне посол Франции и его полноватая и страдающая одышкой законная половина), мажонг и вот еще таро.

Улицы Ниямея уже утопают в густой темноте. За оградой лают собаки, гремят кастрюли, слышится плач детей. Переваливаясь на ухабах как неуклюжий зверь, машина шарит фарами по бесконечным проулкам, переулкам и закоулкам. Оправляясь в гости, мы внимательно прослушали сбивчивые объяснения хозяина: после аптеки Мали Берро, первый по-

ворот направо до зеленого магазина, а там свернуть направо, третий дом с яркими фонарями.

Для информации

А наш адрес звучал для такси и друзей так: Плато, КОО (колледж общего образования) №6, первое гао, белые ворота, черная собака.

***Гао** – особенно устойчивое к засухе дерево – настоящий спасательный круг Нигера. Гао на языке хауса, *Faidherbia albida* по латыни или просто акация беловатая способствует накоплению азота в почве и повышению плодородности земель.*

Источник: ⁷

На вилле нас уже ждали. Кто на новенького? Блеснула улыбка сторожа, распахнулись в ночи белые крылья ворот, хлынул яркий свет. После метания по мрачным лабиринтам вечерней столицы мы неловко моргаем, смущено улыбаясь. Полный дядька бросается нам навстречу, мы смутно припоминаем радушного хозяина, простодушного механика из Дижона, который мановением руки превратился в заморского пашу. Специалистов «Тойоты» в сонный Нигер калачом не заманишь, а он согласился. Вот директорствует себе помаленьку. Подобные домашние рауты ему в новинку, и он нервно потеет, потирает влажные ладони, промакивает платочком блестящую лысину, покрикивает на слуг.

В просторной столовой накрыт стол: хрустит крахма-

⁷ <http://seaus.free.fr/>

ленная скатерть, звенит хрусталь, сверкают начищенные приборы, краснеют вина в пузатых замысловатых графинах. Гусиная печенка, нежнейшие гренки, баранье жаркое с молодой картошкой, неизменный зеленый салат и блюдо с французскими сырами, изысканный плавающий остров на десерт. Ущипните меня, я в Африке? А в Нигере сейчас, говорят, голод...

Постепенно гости поднимаются, журчит беседа, я оглядываю салон. Мебель из тика на заказ, яркие пледы кенте, ритуальные маски, двери догонов. Огромный плазменный телевизор, музыкальный центр, стойка-бар. Полный колониальный набор.

Резные ставни-двери домов и зернохранилищ – одна из визитных карточек племени догонов. Скульптурные композиции рассказывают о сотворении мира богом Аммо и являются настоящими произведениями искусства. Они являются оберегами и создаются исключительно умельцами из касты кузнецов, потомками самого бога (как гласит легенда).

***Кенте** – ткань выполняемая на традиционном станке, состоящем из шпульки, челнока, катушки, трепала, держателей, грудного упора, корпуса. Ткачеством традиционно занимаются мужчины, а женщины готовят пряжу и сшивают длинные полосы так, чтобы получилась накидка. Мужское кенте состоит из двадцати четырёх полосок, а женское из двенадцати. В кенте заложены религиозные представления, политические взгляды, этические принципы,*

история народа. Каждый узор имеет свое название и значение. Узоры, увиденные ткачами во сне, наиболее ценные, поскольку считается, что это послание из потустороннего мира. Источник: Википедия.

За спиной уже сладостно заводит трель Фред Пудовинь. Невысокий статный сорокалетний отпрыск дворянской фамилии из Лиможа, агроном по образованию он вот уже 8 лет буржуйствует на щедрых хлебах Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации Объединённых Наций. Умиляясь моему «легкому славянскому» акценту, птица-говорун вещает о благах Нигера: у него танцуют танго и пасодобль по вторникам и четвергам после 9 вечера (а на работу ему интересно к каким с утра?), его носатая, похоже столь же родовитая жена Марта ставит спектакли с актерами из приезжих специалистов и их вечно мающихся бездельем жен, она также ведет уроки верховой езды в закрытом дипломатическом клубе. (Закрытым он, правда, оказался только для африканцев). «Будем играть в таро, а в субботу после обеда у нас пешие прогулки по пригородам, в самой достойной компании», – добавляет Фред, переходя на интимный шёпот.

Перезрелые дамы повсюду развлекают моего мужа. Светская беседа тут можетлиться часами, так и не зацепившись за мысль. Грег обречено поглядывает в сторону выхода. Это ли африканская жизнь о которой мы так мечтали?

Звенит неловко соскользнувший стакан и тут же под ноги

бросаются слуги с веничками и совками. Хозяин заботливо провожает гостей в салон, партия таро начинается, а я тупо слежу за суетящейся в столовой прислугой. Колониальный режим, его точно отменили?

Глава 6. Такая несчастная, к счастью, жизнь

«У нас на обед – гостя!» – радостно заявил муж. Нет, не подумайте о нас плохого: Грегори просто учится говорить по-русски.

Елена – преподаватель музыки. Она – русская. И так давно живет в Нигере. Как здорово! Она поможет тебе адаптироваться, вот увидишь: вы обязательно подружитесь.

Прожив некоторое время за границей, с уверенностью могу сказать: дружат с человеком, а не с национальностью. Но Лене я рада. Как здорово, что она не из тех, кто в супермаркете обходит соотечественников стороной, бросив оценивающий взгляд, не чурается всего русского, как это часто бывает.

Наша гостя вздыхает. В Нигере она «по ошибке и навсегда». Ее 18-летнюю красавицу обманом увез злой нигерец. Насильно держал на шикарной современной вилле в Агадесе, засыпал ненавистными подарками, назло ей любил, баловал и лелеял. Тогда она устав от постоянных издевательств, прихватив все гадкие подарки и детей, смело укатила в столицу, потребовав от жуткого мавра алиментов.

Сонное бледное лицо, под стать ему характер... Она несчастна: домой уже не вернуться: родители умерли, дом – продан, родственники забыли; так и не ставший за 15 дол-

гих лет родным Нигер она ненавидит: удушливые песчаные ветра, вечное солнце, приторно-голубое небо, бесконечное мелькание ненавистных черных лиц... Как только вы согласились сюда приехать? Да еще из Франции, с атлантических берегов... Наверное, зарплата шикарная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.